

Рохану А. Л.

**История Франции от
низвержения Наполеона I до
восстановления империи
1814-1852**

Часть 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Л. Р.**
История Франции от низвержения Наполеона I до восстановления империи
1814-1852: Часть 1-2 / Рохау А. Л. – М.: Книга по Требованию, 2024. – 833 с.

ISBN 978-5-519-83646-3

ISBN 978-5-519-83646-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тина и нить событій. Кромѣ того безпристрастіе и справедливость, искренняя любовь къ дѣлу общественнаго развитія, дѣлають это сочиненіе очень поучительнымъ. Можно пожалѣть, что авторъ его обращаетъ преимущественное вниманіе на парламентскую исторію въ ущербъ другимъ сторонамъ, мало говоритъ о развитіи и движеніи идей, о жизни общества внѣ официальной и парламентской среды и даетъ мало мѣста исторіи литературы. Но для русскихъ читателей, которые изъ этого сочиненія только въ первый разъ узнають о многихъ событіяхъ, оно вполне удовлетворительно для начала, для перваго знакомства съ новѣйшей французской исторіей, для узнаванія общаго хода событій, такъ какъ внѣшняя факетическая сторона исторіи изложена въ немъ превосходно, подробно, обстоятельно и съ приличнымъ освѣщеніемъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РЕСТАВРАЦІЯ.

I.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ ПРАВЛЕНІЯ ЛЮДОВИКА XVIII.

(Апрѣль 1814 — мартъ 1815)

Въ полдень 31 марта 1814 года войска союзниковъ вступили въ Парижъ при радостныхъ крикахъ народа. Вечеромъ того же дня на совѣщаніи, происходившемъ между русскимъ императоромъ, прусскимъ королемъ и княземъ Шварценбергомъ, рѣшено было низложить Наполеона. Наполеонъ, послѣ продолжительнаго и горячаго сопротивленія и только вслѣдствіе рѣзкихъ настояній своихъ собственныхъ генераловъ и маршаловъ, подписалъ 11 апрѣля актъ, которымъ онъ за себя и за своихъ потомковъ отказывался отъ престола, 20 апрѣля онъ оставилъ Фонтенбло и отправился на Эльбу.

Между тѣмъ сенатъ вообразилъ себя верховною властью въ государствѣ и, бывши со дня своего учрежденія слѣпымъ и нѣмымъ орудіемъ наполеоновскаго деспотизма, хотѣлъ казаться отмстить теперь императору за свое долгое самоуниженіе. 1 апрѣля сенатъ рѣшилъ учредить временное правительство, которое и было избрано изъ членовъ сената и во главѣ его поставленъ Талейранъ. На слѣдующій день сенатъ объявилъ низложение Наполеона, а 6 апрѣля отъ имени французскаго народа и какъ будто по его свободному выбору призывалъ Бурбоновъ на французскій престолъ. Въ то же время провозглашена была конституція, которая должна была обезпечить французамъ нѣкоторую долю политическихъ правъ и гражданской свободы, а самимъ сенаторамъ сохранить ихъ мѣста и жалованье не только на всю ихъ собственную жизнь, но даже и для

ихъ потомковъ. Передъ вступленіемъ на престолъ король долженъ былъ предварительно принести присягу этой конституціи, такъ что эта присяга была условіемъ признанія его королемъ.

Но на дѣлѣ верховная власть въ Парижѣ принадлежала императору Александру. Поставленный самымъ ходомъ военныхъ событій во главѣ коалиціи и будучи кромѣ того самою значительною личностью между союзными монархами, Александръ держалъ въ своихъ рукахъ послѣднее рѣшеніе судьбы Франціи. Однако король прусскій и князь Шварценбергъ, какъ представитель отсутствовавшего австрійскаго императора, въ сущности пользовались правомъ соглашаться или не соглашаться съ рѣшеніями русскаго императора, который впрочемъ по своей природной уступчивости и по разсчетливому благоразумію всегда заявлялъ доставшуюся ему власть въ самыхъ мягкихъ и непритязательныхъ формахъ.

Въ противоположность насильственнымъ мѣрамъ, которыя обыкновенно принималъ Наполеонъ въ завоеванныхъ имъ странахъ, Александръ хотѣлъ избѣжать всякаго вида насильственнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла побѣжденной Франціи. Воля и потребности французскаго народа, сказалъ онъ, должны однѣ опредѣлять будущую конституцію и правительство страны.

Однако по самому положенію вещей содѣйствіе или по крайней мѣрѣ согласіе Александра было необходимымъ условіемъ для всякаго важнаго рѣшенія. Князь Талейранъ, въ домѣ котораго жилъ русскій императоръ, былъ посредникомъ вліянія Александра на событія, послѣдовавшія за взятіемъ Парижа и всѣ рѣшенія, какія принималъ Талейранъ, какъ членъ сената и какъ президентъ временнаго правительства, составлялись не иначе какъ съ предварительнаго согласія русскаго императора. Талейранъ, который не безъ основанія утверждалъ въ своемъ завѣщаніи, что онъ ни одного правительства не оставлялъ прежде, чѣмъ оно само себя не губило, оставилъ дѣло Наполеона весьма неохотно и только тогда, когда оно казалось ему погибшимъ безвозвратно. Вся прошедшая дѣятельность Талейрана и въ особенности лежавшее на немъ тяжелымъ бременемъ участіе его въ убіеніи герцога Ангьенскаго внушали ему живыя опасенія и заставляли его бояться возстановленія Бурбоновъ. Императоръ Александръ съ своей стороны менѣе всего былъ расположенъ въ пользу Бурбоновъ. Онъ, также какъ и король прусскій, поступали очень не великодушно съ братьями Людовика XVI въ

изгнаніи, такъ что послѣдніе естественно должны были возбудить въ себѣ нерасположеніе въ обоихъ монархахъ. Александръ предпочелъ бы Людовику XVIII даже Бернадотта или кого нибудь другого изъ наполеоновскихъ маршаловъ, если бы онъ не долженъ былъ убѣдиться въ невозможности такого выбора. Правительства Австріи и Англіи и ихъ военныя и политическіе уполномоченные, до взятія Парижа и даже нѣсколько времени послѣ взятія, весьма холодно относились къ интересу легитимности, воплощенному въ Бурбонахъ. На Бурбоновъ смотрѣли какъ на устарѣлую, неспособную, забытую династію; всѣ расположены были считать ихъ «невозможными», и никто не думалъ дѣлать насилія естественному ходу вещей во имя несостоятельнаго принципа.

Но на самомъ дѣлѣ этотъ ходъ вещей и дѣлалъ Бурбоновъ необходимыми. Наполеона нельзя было оставить, иначе не была бы достигнута цѣль всей войны; если бы былъ признанъ Наполеонъ II съ регентствомъ Маріи Луизы, тогда Наполеонъ I подъ именемъ частнаго человѣка, и даже находясь внѣ французскихъ границъ, былъ бы властителемъ Франціи и угрожалъ бы опасностью всей Европѣ. Такимъ образомъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы союзники сами и не хотѣли создать наскоро явно неестественнаго и непрочнаго государственнаго порядка, имъ все таки не оставалось никакого другого исхода кромѣ призванія старой династіи, которая притомъ всегда имѣла за себя цѣлую партію и находилась въ нѣкоторой связи со всею націей по историческимъ воспоминаніямъ, простиравшимся на нѣсколько вѣковъ.

Конечно эти воспоминанія чрезвычайно ослабѣли послѣ важнѣйшихъ событій революціи и имперіи. Бурбоны оставили Францію болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ и если въ первое время своего изгнанія они заставляли много говорить о себѣ, то впослѣдствіи времени они наконецъ были почти совершенно забыты массою французскаго народа. Протестъ противъ учрежденія имперіи былъ послѣднимъ гласнымъ признакомъ жизни низверженной династіи, члены которой во все остальное время наполеоновскаго владычества издалека, безгласно, одиноко, бездѣйственно и безнадежно смотрѣли на совершавшіяся событія времени. Дѣятельная сила роялистской партіи во Франціи уже давно исчезла и естественный представитель ея, дворянство, казалось уже совершенно потеряннымъ для дѣла Бурбоновъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ первыхъ четырехъ или пяти лѣтъ

правленія Наполеона едва ли была во Франціи хотъ одна аристократическая фамилія, которая бы не имѣла одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ между государственными или придворными чиновниками имперіи. Фамиліи Праленъ, Бриньоль, Шеврезъ, Мортемаръ, Монморанси, Роганъ, Ноайль, Бранкасъ, Бово, Круа, Сень-Симонъ, Контадъ, Ларошфуко, Кольберъ, Тюреннъ, Булье, Крильонъ и многіе другіе, имена которыхъ блистали въ войскахъ Людовика Святаго или Франциска I, или по крайней мѣрѣ при дворѣ Людовика XIV, теперь служили еорсизанскому узурпатору генералами, дипломатами, камергерами или въ другихъ доходныхъ должностяхъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, призывая эмигрировавшихъ дворянъ и привлекая ихъ къ себѣ, допустилъ непонятную ошибку тѣмъ, что прямо не признавалъ стараго дворянскаго достоинства, если оно не было вновь пожаловано императоромъ, и кромѣ того никогда не утверждалъ наслѣдственныхъ фамиліальныхъ титуловъ и часто даже вмѣсто ихъ давалъ титулы низшихъ степеней. Такое безцѣльное оскорбленіе дворянскаго чванства естественно было достаточно для того, чтобы препятствовать искреннему его примиренію съ императорскимъ правленіемъ и поддерживать нѣкоторую горечь въ сердцахъ старыхъ дворянъ, которая рано или поздно могла придти въ броженіе и перелиться черезъ край.

И дѣйствительно, въ день вступленія союзниковъ въ Парижъ первый толчекъ къ бурбонской реакціи былъ данъ нѣкоторыми членами стараго дворянства, которые надѣли бѣлыя кокарды, ходили по улицамъ съ криками: да здравствуетъ король! и осадили императора Александра своими представленіями въ пользу Бурбоновъ. Это движеніе, искусственное по своему началу, весьма быстро перешло однако въ массу народа, потому что цѣль его совпадала съ необходимостью, порожденною силою обстоятельствъ. Если Бурбоны были чужды народу, то и гнетъ правленія Наполеона чувствовался очень сильно и очень долго для того, чтобы съ радостію привѣтствовать хоть какую нибудь переменъ. А переменъ возможна была только въ пользу Бурбоновъ, и французскій народъ по своему характеру могъ въ первую минуту помириться съ необходимостью, вынужденною обстоятельствами, во вторую былъ радъ этой необходимости, а въ третью могъ даже воодушевляться этой необходимостью.

Изъ лицъ, принадлежавшихъ къ дому Бурбоновъ, графъ Артуа былъ ближе всѣхъ къ мѣсту главныхъ событій. Слѣдую сначала за

австрійскимъ, потомъ за русскимъ войскомъ, съ титуломъ намѣстника-королевства, который онъ самъ себѣ присвоилъ и котораго никто не признавалъ за нимъ, графъ Артуа прибылъ въ Нанси, гдѣ онъ долженъ былъ остаться безъ всякаго общественнаго положенія или власти до тѣхъ поръ, пока не былъ окончательно рѣшенъ вопросъ о престолонаслѣдіи не въ пользу Наполеона и его семейства. Письмо отъ 4 апрѣля, написанное Талейраномъ, отъ имени временнаго правительства приглашало графа Артуа прибыть въ Парижъ. Принцъ послѣдовалъ этому приглашенію. Народъ принялъ его съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, которое онъ умѣлъ поддержать и усилить щедрыми обѣщаніями: что война прекращается, конскрипція будетъ уничтожена и отмѣнится ненавистный акцизъ на напитки.

Прибывши 11 апрѣля въ замокъ Ливри, недалеко отъ Парижа, графъ Артуа получилъ письмо отъ временнаго правительства съ предложеніемъ, чтобы онъ временно принялъ въ свои руки правительственную власть, такъ однако, чтобы она передана была ему по сенатскому рѣшенію, — форма, которая удовлетворяла разнымъ имѣвшимся въ виду интересамъ и соображеніямъ.

Графъ Артуа отвергъ это предложеніе. Онъ хотѣлъ принять на себя государственную власть не по сенатскому рѣшенію, а въ силу наслѣдственнаго права и именемъ Людовика XVIII. Временное правительство съ своей стороны не хотѣло уступить этимъ требованіямъ и потому при въѣздѣ графа Артуа въ Парижъ привѣтствовало его въ лицѣ своего президента Талейрана краткою рѣчью, въ которой съ намѣреніемъ умалчивалось о политическомъ положеніи и значеніи принца. Графъ Артуа, нѣсколько смущенный этой уловкой, произнесъ въ отвѣтъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, изъ которыхъ по приказанію Талейрана Мониторъ на слѣдующій день сдѣлалъ важное обѣщаніе: что настоящее положеніе ни въ чемъ не измѣнится, что съ этихъ поръ во Франціи стало только однимъ французомъ больше.

Графъ Артуа прежде всего отправился въ кафедральный соборъ, гдѣ духовенство привѣтствовало его всѣми благожеланіями, которые у него всегда готовы для всѣхъ перемѣняющихся властей дня, и затѣмъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Тюльери. Между тѣмъ временное правительство все еще сохраняло силу. Принцъ однако повидимому отъазывался признать его и, въ отсутствіи короля, считалъ себя единственнымъ законнымъ представителемъ государствен-

ной власти, для пользованія которою у него конечно не доставало ни средствъ, ни органовъ.

Императоръ Александръ рѣшился примирить эти противоположныя требованія, или лучше склонить графа Артуа на уступку требованіямъ сената и временнаго правительства. Послѣ посѣщенія Александра и послѣ продолжительнаго разговора съ нимъ, графъ Артуа рѣшился принять изъ рукъ сената титулъ намѣстника, а вмѣстѣ съ нимъ и правительственную власть. Составленное для этой цѣли сенатское рѣшеніе было представлено ему въ Тюльери самимъ сенатомъ 14 апрѣля. Принцъ отвѣчалъ сенату рѣчью, которая была составлена Фуше и исправлена Талейраномъ. Въ этой рѣчи онъ объявляетъ, что онъ не получилъ отъ короля полномочія принять конституцію, но не сомнѣвается, что королемъ будутъ одобрены основанія этой конституціи, т. е. ограниченіе монархіи двумя палатами, право палатъ утверждать подати, свобода печати и вѣроисповѣданій, отвѣтственность министровъ, независимость и несмѣняемость судей, утвержденіе продажи національныхъ имуществъ, признаніе почетнаго легіона и всѣхъ пожалованныхъ прежними правительствами титуловъ, должностей, чиновъ и жалованья.

Въ помощь себѣ при отправленіи обязанностей, соединенныхъ съ государственною властью, графъ Артуа составилъ государственный совѣтъ, въ который онъ назначилъ пятерыхъ членовъ уничтоженнаго теперь временнаго правительства и кромѣ того троихъ наполеоновскихъ маршаловъ и генераловъ. Какъ прежде во временномъ правительствѣ, такъ и теперь въ государственномъ совѣтѣ главнымъ лицомъ былъ Талейранъ, которому принадлежало первое и послѣднее слово. Первая забота государственнаго совѣта была устремлена на то, чтобы возстановить прерванную связь между правительственною властью и между провинціальными властями, для чего и посланы были чрезвычайные комиссары, снабженные самыми широкими полномочіями. Но Франція уже очень хорошо приучена была къ централизаціи, такъ что исполненіе этой задачи не встрѣтило ни малѣйшей трудности; перемѣна династїи и все, что случилось и рѣшено было въ Парижѣ, было одобрено и признано всею странюю безъ малѣйшаго противорѣчія, тѣмъ болѣе безъ малѣйшей попытки къ сопротивленію.

Затѣмъ нужно было позаботиться о томъ, чтобы привести въ движеніе совершенно остановившіеся источники доходовъ для на-